

Культура. - 1998. - 13-19 авг. - с. 12

Взамен турусов и колес

Загадка Нины Дробышевой

Таинственность — неизбежная часть имиджа больших артистов. Однако каждый реализует это качество по-своему: одни ведут замкнутый образ жизни, нигде не появляются, разве только на закрытых элитарных тусовках, и носят темные очки в любое время суток. Другие же вроде бы ни от кого не скрываются, в меру откровенны, об их премьерах все осведомлены — и вместе с тем, даже зная наизусть их биографии и роли, чувствуешь постоянную недосказанность.

Актриса Нина Дробышева никогда не играла ролей загадочных. Наоборот, все ее героини были как на ладони и поданы актрисой с высшей степенью откровенности. Все: от лирической Сашеньки Львовой в фильме "Чистое небо" до Эдит Пиаф в одноименном спектакле. Но, достигая исповедального пика, Дробышева всегда оставляет за собой право на секрет, заставляющий выучивать наизусть ее спектакли, но приходить на них снова и снова.

Почему актерская биография Нины Дробышевой так хорошо запоминается? Наверное, потому, что в ее жизни не было ничего мелкого, проходного, неважного — спектаклей, событий, людей. Каждая роль — всегда попадание, всегда явление. Бытовые роли, "линейные" однозначные спектакли — это не для нее. Да таких и не было. Кто-то скажет: "А "Пять углов"? Реальная пьеса о реальной жизни. Действительно, героиня пьесы Сергея Кокковского живет в конкретное время в конкретном месте. Но вместе с тем она — вне времени. Ее история могла бы произойти где угодно и с кем угодно. Как драматург, так и режиссер Кама Гинкас, чьей отличительной чертой всегда было умение уплотнить и укрупнить время, создали спектакль-сон, спектакль-фантазию, где реальным был только внутренний мир героев, их переживания и мысли. Нина Дробышева сыграла Лялю с такой степенью откровенности, что ее ге-

роиня стала понятной для каждой открывшейся ей навстречу души.

Уплотненное время, не судьба, но квинтэссенция судьбы — вот что отличает и легендарный спектакль Дробышевой "Эдит Пиаф". Спектакль, на который приезжали со всех концов страны и из-за рубежа. Спектакль, проживший такую же яркую жизнь, как судьба, в нем рассказанная. Все в великой Пиаф, и в первую очередь — ее песни, было так же естественно, как и возможность дышать, смотреть, говорить. И любить. Откровенность

пространенное заблуждение. Аркадина — не притворщица. Просто ее жизнь, ее мир, ее пространство — театр. Для нее нет особой разницы между сценой и усадьбой, вернее, для нее и усадьба — это сцена. Аркадина живет в жизни по законам сцены, в реальности — по законам условности и оттого производит впечатление неискренней. Когда в ее выстроенный и понятный мир вторгаются мелкие страстишки, которыми буруеваемы остальные обитатели усадьбы, это доставляет ей закономерный дискомфорт.

Изысканная и глубокая натура Нины Дробышевой всегда требовала спектаклей необычных, странных. Таким стала последняя по времени премьера Театра Моссосвета "Убийственная любовь" по пьесе Ю. Каменецкого и Э. Щедрина. Здесь нашли выход как природная театральность актрисы, так и ее пронзительная откровенность. Электрическая атмосфера спектакля погружает зрителей в "странный экзотический сон" (реплика героини, вполне характеризующая жанр), где они становятся свидетелями психологической дуэли между мужчиной и женщиной, театром и реальностью, жизнью и смертью. На каждом шагу таятся обманки как для зрителей, так и для героев, управляемых стихией театра. Героиня Нины Дробышевой — актриса (кстати, зовут ее Ирина Николаевна — как Аркадину, к чьему образу Дробышева возвращается в финале спектакля), фантом из плоти и крови. Сейчас она одна — через секунду другая. Сейчас любит — и вдруг умирает. Умирает — и оказывается где-то в другом измерении, где продолжает свой спектакль. Глядя в ее сверкающие глаза, вслушиваясь в замирание голоса, безумно хочется ей поверить — настолько она кажется понятной. Но ее не остановить, не поймать — как не поймать саму магию театра.

В роли Эдит Пиаф

жизни певицы, умноженная на искренность актерского мастерства Дробышевой, давала тот взрывной силы эффект, благодаря которому никто не мог равнодушно смотреть на хрупкую фигурку, словно собирающую вокруг себя свет и энергию.

От кого-то из коллег довелось услышать: "Каким образом ролью Дробышевой, актрисы поразительной искренности, стала чеховская Аркадина, образ, который рисуется обычно как апофеоз жизненной фальши?" Вот налицо самое рас-

Анна АНДРЕЕВА